

Контуры гармоничной модели

Тадеуш АДУЛО,
доктор философских наук, профессор

На рубеже XX–XXI веков человечество столкнулось с новыми глобальными проблемами, прежде всего с крахом той социально-экономической модели, которая господствовала в мире на протяжении нескольких столетий и определялась емким словом «индустриализм» в его либеральной интерпретации, подразумевающей максимальную открытость национальных границ для мирового капитала.

Разразившийся в начале XXI века крупнейший финансовый кризис лишил работы 34 млн. человек и еще 64 млн. отбросил к уровню дохода менее 1,25 доллара в день – ниже порога бедности [1, с. 6, 8, 97]. Известный английский социолог Энтони Гидденс считает, что даже «в США, несмотря на то, что в стране постоянно изменяются характеристики бедности, намного больше людей остается в нищете и намного больше людей переживают периодически повторяющееся состояние бедности по сравнению с населением Европы» [2, с. 20].

Для решения существующих проблем необходимо принимать конкретные решения. Администратор Программы развития ООН Хелен Кларк отмечает: «Страны способны многое сделать для повышения качества жизни граждан даже в неблагоприятных обстоятельствах», но «улучшения никогда не приходят сами собой – они требуют политической воли, смелого руководства и постоянной приверженности со стороны международного сообщества» [1, с. V]. Надо сказать, что работа в этом направлении в последние годы ведется весьма активно. Например, только в прошлом году названные вопросы стали главным предметом обсуждения на состоявшемся 9–10 сентября Ярославском мировом политическом форуме, на Всемирном форуме

духовной культуры, проходившем в Астане 18–20 октября, и многочисленных международных научных конференциях. В связи с этим остановимся на некоторых предложенных проектах и моделях общественного развития.

Один из них – проект формирования мощного среднего класса. Эта идея особенно активно пропагандировалась на постсоветском пространстве в середине 1990-х годов. В качестве базовой модели для обустройства национальных государств чаще всего берется модель США с использованием их послевоенного опыта. За весьма короткий по историческим меркам срок там действительно был сформирован мощный, энергичный, инициативный и предприимчивый, материально обеспеченный средний класс, имевший постоянную работу, высокие стабильные доходы, собственный загородный дом, автомобиль и безоблачную перспективу на будущее.

Что можно сказать по этому поводу? Сама идея формирования мощного среднего сословия не нова. Она родилась и в той или иной мере практически воплощалась в жизнь еще в древние века. В одном из древнекитайских трактатов утверждалось: «Ког-

ОБ АВТОРЕ

АДУЛО Тадеуш Иванович.

Родился в 1945 году в д. Хролы Островецкого района Гродненской области. В 1971 году окончил Белорусский государственный университет, в 1974 году – аспирантуру того же университета.

В 1974–1981 годах – преподаватель, старший преподаватель, заместитель заведующего кафедрой истории философии и логики БГУ.

В 1981–1999 годах – старший, ведущий научный сотрудник, в 1999–2004 – заведующий отделом философских проблем человека, в 2004–2008 годах – заведующий отделом философской антропологии и философии культуры, с 2004 года – заведующий центром социально-философских и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси. По совместительству в 1998–2003 годах – главный научный сотрудник Института социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь.

Доктор философских наук (1994), профессор (2004).

Автор более 320 научных работ, в том числе 4 индивидуальных и 20 коллективных монографий.

Сфера научных интересов: социально-философская проблематика, философская антропология, история философии.

да народу [живется] легко, тогда все люди спокойные» [3, с. 33]. Чуть позже последователь этико-политического учения Конфуция Сюнь-Цзы так обрисовал возможные последствия чрезмерной имущественной поляризации общества. «Когда корзины и коробы [правителя] и дворцовые склады наполнены богатством, – писал он, – народ нищает, вот что называется «быть полным наверху и истощиться внизу». [В этом случае] государство будет не в состоянии ни обороняться от наступающих, ни само вести наступательное сражение, и можно лишь ожидать, что такое государство будет опрокинуто и погибнет» [3, с. 153–154]. Идею гармоничных взаимоотношений «высокопоставленных» и «средних» людей пытался теоретически обосновать Аристотель. Он отмечал: «...природа человека не самодостаточна, чтобы [можно было] заниматься [только] созерцанием, но нужно еще, чтобы тело было здорово, чтобы была пища и прочий уход... У владеющих средним достатком есть возможность совершать поступки какие должно» [4, с. 286]. В Ветхом завете взаимоотношения богатых и бедных тоже нашли отражение. В книге Притчей Соломоновых сказано: «Не будь грабителем бедного, потому что он беден, и не притесняй несчастного у ворот, потому что Господь вступится в дело их и исхитит душу у грабителей их» [5, с. 611]. Наконец, Великая французская революция в правовом поле разрешила эту проблему, руководствуясь провозглашенным революцией демократичным лозунгом «Свобода, равенство, братство!». К. Маркс и Ф. Энгельс в качестве главного субъекта XIX века признали рабочий класс. Но и они не могли обойти стороной вопрос о среднем классе. Правда, последний рассматривался ими лишь в плане возможного союзника пролетариата, не более того. Они считали возможным и даже нужным заключить союз со средним классом с целью более успешной борьбы с буржуазией. Более того, как отмечал Ф. Энгельс, победа коммунаров в 1871 году была во многом достигнута в результате того, что средний класс откололся от класса буржуазии и перешел на сторону рабочих. Но при этом ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, в отличие от Прудона, не считали нужным строить мелкобуржуазный социализм. Поэтому союз со средним классом

рассматривался ими как временный, тактический, не более. В советской философской литературе средний класс не исследовался, а теории «среднего» и «нового среднего класса» считались ненаучными, произвольными идеологическими конструкциями западных теоретиков, созданными с целью дискредитации марксистского учения о классах и классовой борьбе [6, с. 651].

Но вернемся к социальной практике. Действительно, в США в середине XX века был сформирован такой класс, стать полноправным субъектом которого было целью для многих американцев. Однако эксперты и аналитики не учитывают конкретно-исторические условия, в которых это произошло.

Отметим сразу, что средний класс в США возник на фоне весьма выгодной для этой страны послевоенной конъюнктуры на мировом рынке товаров, позволявшей США диктовать другим товаропроизводителям свои условия и получать сверх-

прибыли за счет разоренных войной государств, неэквивалентного обмена с латиноамериканскими странами; за счет поддержанной нацией целенаправленной внутренней государственной политики, максимально ограничивавшей рыночный механизм

хозяйствования и конкуренцию, не дававшей крупным владельцам капитала получать сверхприбыль, а наоборот, обязавшей их повышать заработную плату и отчислять средства на социальные нужды нации, то есть осознанно ограничившей возможности рыночных отношений (посредством госрегулирования и планирования); наконец, благодаря огромным централизованным вливаниям в образование, науку и наукоемкие отрасли производства.

Несомненно, средний класс играет важную роль в нормальном функционировании государства. И все же, не отрицая его значения для обеспечения стабильности общественных устоев, отметим, что не менее важное место принадлежит социальному слою

Внешние атрибуты «американской мечты». 1950-е годы

специалистов. Именно они, обладающие знаниями, интеллектом, неумной энергией и нацеленные на создание принципиально новых наукоемких продуктов в различных сферах народного хозяйства, начиная от фундаментальной науки и заканчивая новейшими разработками в области медицины, обеспечивают продвижение нации вперед в различных сферах общественной жизни и по своему социальному статусу с полным на то основанием занимают более высокую ступеньку в иерархической структуре западного общества по сравнению со средним классом. Эта идея проведена и во Всемирном докладе ЮНЕСКО 2005 года «К обществам знания». В нем сказано: «Сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться» [7, с. 7]. Поэтому правительства США и других западных государств проявляют максимальную заботу об этом социальном слое, обладающем знанием, создают для его деятельности самые благоприятные условия. Вот и теперь от нынешнего мирового финансово-экономического кризиса в большей мере пострадали не специалисты, а средний класс. Неудивительно поэтому, что из граждан бывшего СССР, уехавших на Запад, хорошо там трудоустроились, прежде всего, специалисты. Перестройка же в СССР осуществлялась отнюдь не в интересах специалистов. Их фактически превратили в «челноков», строителей, мелких предпринимателей. Но надежное будущее любого государства без квалифицированных специалистов, скорее всего, призрачно.

Отмечая роль среднего класса и в особенности специалистов в ведущих странах мира, все же нельзя сбрасывать со счетов и рабочий класс, который по-прежнему играет важную роль в экономике даже высокоразвитых государств. Вот что по этому поводу пишут известные английские социологи Н. Аберкромби, С. Хилл и Б.С. Тернер: «Если следовать традиционному, но уже вызывающему споры определению рабочего класса как совокупности людей, занятых физическим трудом, то его размеры в Британии сокращаются (так, с 1911 по 1991

год они уменьшились с 75 до 42 % занятого населения). ...Тем не менее, рабочий класс не утратил своих отличительных черт: по сравнению с высшим и промежуточным (intermediate) классами он имеет в среднем более низкие доходы и менее гарантированную занятость, для него характерны более высокий уровень безработицы и более высокая вероятность бедности, менее интересное содержание работы и худшие условия найма, более низкие шансы структурированной карьеры и достижения успеха в системе образования, более высокий уровень заболеваемости и меньшая продолжительность жизни» [8, с. 370].

В качестве еще одного социального проекта будущего общественного устройства

Демонстрация рабочих строительной отрасли в центре Ливерпуля

можно назвать проект толерантного человечества (общества). Активно обсуждаемый в последние годы, он также не относится к числу новых проблем. Толерантность человечества зародилась в глубокой древности и в философском плане достаточно четко была обозначена в трудах Аристотеля, но еще задолго до него древнекитайские мыслители сделали ее предметом серьезного теоретического осмысления, хотя использовали для этого иную терминологию. В эпоху Средневековья толерантность рассматривалась в религиозной плоскости. И хотя она как принцип взаимоотношений представителей различных конфессий теоретически признавалась, на практике дела обстояли совсем по-иному. Более радикальный и гуманный в этом плане сдвиг в мировоззрении произошел лишь в эпоху Нового времени, подтверждением чему стал трактат Джона Локка «Послание о толерантности».

Особо следует сказать о практической деятельности французских

просветителей. Показательно, что Дени Дидро в статье «Человек» описывал суть сложившихся в европейских странах экономических отношений и давал конкретные советы относительно возможного улучшения общественного состояния, которые могут быть вполне полезными и в XXI веке. «Чем более велик чистый доход, – отмечал он, – и чем более равно он поделен, тем лучше управление, чистая прибыль, равно поделенная, может быть предпочтительней большей чистой прибыли, очень неравно разделенной и делящей народ на два класса, из которых один пресыщен богатством, а другой погибает в нищете» [9, с. 88]. Таким образом, толерантность как проблема в какой-то мере воспроизводит прошлые эпохи на новой ступени человеческой истории.

Понятие «толерантность» (лат. *tolerantia* – терпение) не вызывает у исследователей каких-либо дискуссий. Все согласны с тем, что под толерантным следует понимать такое общество, где на государственном уровне обеспечивается справедливое и беспристрастное законодательство, соблюдаются правопорядок, судебно-процессуальные и административные нормы и где каждому человеку предоставляются возможности для экономического, социального и культурного развития без какой-либо дискриминации, как об этом сказано в Декларации принципов толерантности, утвержденной резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. И, безусловно, на уровне сознания толерантное общество предполагает терпимость и снисходительность к кому- или чему-либо – к убеждениям, мнениям, позиции другого лица и т.д. [10].

Но вот относительно термина «терпимость» как раз и возникают серьезные дискуссии, поскольку в содержательном плане он чрезмерно многозначен. Например, Владимир Даль для раскрытия значения слова «терпеть» использует такие слова, как «выносить», «переносить», «сносить», «нуждаться», «страдать», «крепиться», «мужаться», «быть кротким», «смириться», «потакать», «сноравливать» и др. [11, с. 401–402]. В целом «терпение», а следовательно, и «толерантность» приобретают

определенный страдательный, смиренный, выжидательный и другие характерные оттенки, которые идут вразрез с активной, творческой природой человека. В самом деле, можно ли связывать гуманное будущее человечества со страданиями и терпением? Подобное мироустройство малопривлекательно, тем более для современного человека. По этой причине возникли и стали употребляемыми антонимии «интолерантность», «антитолерантность» и др.

Вторая проблема «толерантного общества» («толерантного человечества») вытекает из способа его построения. Люди всегда стремились к свободе. Особенно преуспели в этом основатели либеральной идеологии, многие философы. Да и в практической-политической жизни и сознании мирового сообщества второй половины XX века принцип саморегуляции был господствующим. Особую актуальность он обрел в конце 1980-х годов в СССР.

В настоящее время многие исследователи и политики пересмотрели свои мировоззренческие ориентиры. Они пришли к выводу о бесперспективности принципа «саморегуляции» и все активнее отстаивают идею регулирования общественных процессов. Но ее разделяют далеко не все. Особенно не приемлют вмешательства во внутренние проблемы политическая элита и титульные нации молодых суверенных государств: слишком много интеллектуальных, моральных и материальных ресурсов они истратили для обретения собственной государственности. И, кроме того, в условиях существующего социального неравенства, деления стран на «сильные» и «слабые» у одних политиков возникает соблазн использовать «толерантность» в собственных интересах, у других, наоборот, – обеспокоенность возможностью оказаться в зависимости от «сверхдержав».

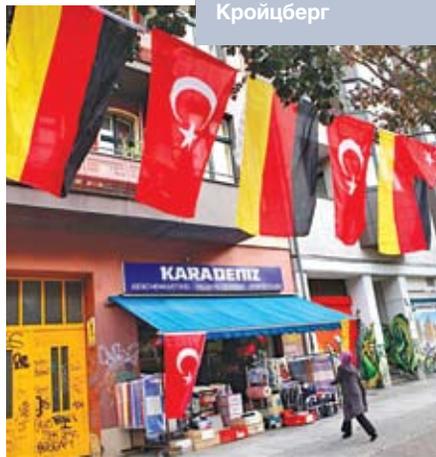
Согласно Декларации принципов толерантности, интересы наций и государств соблюдены: «Толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [10]. При этом толерантность трактуется отнюдь не как уступка, снисхождение или потворство. Толерантность – «это, прежде

всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека» [10].

Казалось бы, все вопросы сняты, во всяком случае, в правовом поле. Но декларация – лишь документ. Главные проблемы возникают в процессе практической его реализации. Кто будет гарантом и кто в состоянии обеспечить беспристрастное проведение в жизнь норм этого документа – вот главные вопросы. Кстати, именно они стали предметом дискуссий на Ярославском мировом политическом форуме. К тому же в Декларации принципов толерантности не раскрываются экономические, социальные основы наличного зла. Взять хотя бы проблему нелегальной миграции. Как ее разрешить? Мы, европейцы, смотрим на иммиграцию глазами европейцев и действуем, руководствуясь эгоистическим принципом «Не пускать!». Выводы рассудочного мышления категоричны: Запад – хорош, а нелегальные мигранты – плохи. Бесспорно, это явление – одна из многочисленных социальных язв. Но что и кто делает массы людей нелегальными мигрантами, зависит не только от субъективных желаний конкретных людей, но и от объективных обстоятельств. И именно их, как представляется, необходимо более целенаправленно изменять.

В качестве конкретных угроз человечеству по-прежнему называются перенаселенность планеты, нерациональное отношение к природным ресурсам, противостояние высокотехнологичного Севера и все более технологически и интеллектуально отстающего Юга, экспансия экономических лидеров в отношении природных и интеллектуальных ресурсов менее развитых стран, межэтнические и межконфессиональные конфликты, эпидемии, терроризм, торговля людьми, растущая преступность, наркомания, бедность и неуверенность в завтрашнем дне. Но самой серьезной опасностью для современной цивилизации представляется активно происходящее разрушение ее духовных, нравственных оснований.

Улица в берлинском районе Кройцберг

Современные факты свидетельствуют: индустриализм фактически исчерпал свои возможности. Он обязан уступить место новому типу общества с принципиально новыми экономическими, политическими, моральными и т.п. отношениями и ценностями. На Всемирном форуме духовной культуры, собравшем известных политиков, ученых, деятелей культуры и искусства из 71 стран, не звучали ставшие уже привычными понятия «индустриальное» и «постиндустриальное общество». В докладах и выступлениях четко зафиксирован термин «гармоничное общество», базовым основанием которого должна стать, по мнению выступавших, духовность в самом широком смысле этого слова, духовная культура во всем ее величии и национальном многообразии, нравственность, которая пронизывает собой и экономику, и политику, и право.

Несмотря на неоднозначные оценки, толерантное общество имеет реальный шанс на существование. Для этого есть необходимые объективные и субъективные основания. Конечно же, говоря о первых, следует иметь в виду, прежде всего, экономическую составляющую проекта. Если человек не сможет удовлетворить свои материальные, чисто физиологические потребности, никакого согласия в мире не будет. Современный уровень развития производительных сил, технологий и науки в целом позволяет решить эти вопросы, хотя проблему народонаселения не следует снимать с повестки дня. Полагаем, однако, что не менее серьезная проблема гонки вооружений, соперничества различных государств в области военных разработок и технологий.

Еще одна модель социума XXI века – та, в основу которой положена идея ускоренного формирования человеческого капитала. Если XX век был веком великих научных открытий, масштабных технико-технологических достижений, то XXI станет веком господства интеллекта. Лидирующую позицию займут государства, обладающие мощным интеллектуальным потенциалом. Как отмечает П.Г. Никитенко, «трудно рассчитывать на производство конкурентоспособной продукции (работ и услуг), приоритетно не накопив соответствующую критическую массу разума, интеллекта, профессионализма, ответственности и других

качеств личности» [12, с. 96]. Не случайно в последние годы в обиход зарубежных и отечественных исследователей прочно вошло понятие «человеческий капитал». Но это понятие, на наш взгляд, не способно отразить те масштабные изменения, которые произойдут в обществе и в самом человеке в ближайшие десятилетия, поскольку в содержательном плане оно до сих пор трактуется в узко прагматическом смысле – как некий феномен чисто экономического порядка, способный привносить изменения только в материальное производство. Анализируя «человеческий капитал», исследователи пока так и не смогли выяснить его составляющие. Безусловно, все согласны с тем, что «человеческий капитал» – это, прежде всего, сам человек. Но в какой ипостаси он выступает? В каких конкретно его проявлениях, действиях, поступках обнаруживается собственно человеческий капитал? Наконец, каковы критерии оценки, «измерения» «человеческого капитала»? Эти и другие подобные вопросы требуют дальнейшего теоретического осмысления.

Под «человеческим капиталом» следует понимать, в первую очередь, интеллект человека. Он, конечно же, в значительной мере определяется профессиональной квалификацией, независимо от рода деятельности. Но сведение человека лишь к его профессиональной деятельности без учета наличествующих, не преодолимых в обозримом будущем отчужденных социальных форм – труда и социальности в целом, означает не что иное, как принижение человеческой сущности. Поэтому-то многие зарубежные исследователи все чаще возвращаются к старым, забытым в XX веке идеям французских просветителей и пытаются увязать будущее общество с интеллектом, разумом, нравственными устоями. Примерно в таком ключе рассуждает японский ученый-экономист Тайичи Сакайя. Он не является сторонником взращивания чрезмерных потребностей человека, что характерно для индустриальной эпохи. Напротив, японский исследователь выступает защитником «постматериалистической» ориентации человека XXI столетия и считает, что сегодня «некогда неутолимое стремление к обладанию все новыми и новыми материальными благами постепенно

начинает ослабевать» [13, с. 341]. В связи с этим ученый ставит задачу поиска критериев «исчисления ценности знания».

Представляется, в первую очередь следует искать критерии оценки интеллекта человека как подлинного субъекта человеческой истории третьего тысячелетия. Ведь и в XXI веке товары, в конечном счете, будут создаваться не машинами и не самими знаниями, а человеком, обладающим этими знаниями, точнее – интеллектом. Вот почему уже в современную историческую эпоху борьба за источники сырья и рынки сбыта товаров все

Студенты БГУ Екатерина Колб, Денис Пирштук и Ирина Дормешкина (слева направо) – стипендиаты специального фонда Президента Беларуси по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов

активнее дополняется столь же активной и целенаправленной борьбой за людские умы и таланты, за повышение интеллекта нации в целом. Решение все более актуальной для Европы демографической проблемы сводится не только и, может быть, не столько к численному росту народонаселения, без труда достигаемому за счет притока мигрантов. Но речь идет о максимальном задействовании экономических ресурсов для наращивания национального интеллекта, научных и технологических разработок путем привлечения талантливых умов из других стран. И не следует преуменьшать опасность для Беларуси подобной мировой практики. Ведь и наша страна не застрахована от оттока за рубеж специалистов высшей квалификации, самых способных выпускников вузов.

Кроме того, многие государства все решительнее пересматривают свои устоявшиеся национальные системы образования и реформируют их, перенимая положительный опыт, накопленный в других странах. Например, заимствуются отдельные элементы бывшей советской школы, ориентированной

не на элитарное узко корпоративное, а на всеобщее образование – выявление всех одаренных детей и создание, насколько позволяли объективные обстоятельства той исторической эпохи, необходимых условий для дальнейшего развития их творческих задатков. Так, если в 1990 году совокупные государственные расходы (расходы федерального правительства, провинций и местных органов власти) на образование равнялись в Канаде 54 071 млн. канадских долларов, то в 2004 году они достигли уже 64 746 млн. канадских долларов [14, с. 83]. Высшее образование – один из главных социально-экономических приоритетов и для США: общие федеральные расходы на высшее и среднее специальное образование составили в начале XXI века 225 млрд. долларов [15, с. 85].

Одна из актуальных задач – более эффективное использование интеллектуального потенциала нации. Например, по количеству лиц, имеющих высшее образование, Беларусь сопоставима с Канадой. Но народонаселение Канады – 33 млн. человек, что втрое больше по сравнению с нашим государством. Тем не менее, этого объема интеллекта вполне хватает Канаде для того, чтобы обеспечивать достаточно высокие экономические показатели, а по индексу развития человеческого потенциала занимать восьмую строчку в списке, включающем сто шестьдесят девять стран. Беларусь в этом списке находится на шестьдесят первом месте [1, с. 143].

Наряду с разработкой различных принципиально новых моделей гуманного, гармоничного развития социума, политики и ученые, обеспокоенные нарастающими глобальными проблемами, обращают взор и к идеям из прошлого. Так, в начале XXI века вновь оказались востребованными социальные идеи К.Н. Леонтьева, Н.Д. Кондратьева и других мыслителей. К числу перспективных социальных моделей следует отнести, безусловно, и ноосферную модель, у истоков которой стоял В.И. Вернадский. Не случайно поэтому на Всемирном форуме духовной культуры в Астане больше всего докладов было заслушано на секции «Глобальная стратегическая инициатива», посвященной ноосферной модели общественного развития. В частности, обсуждалась «Ноосферная

На занятиях по информатике в Лужеснянской школе-интернат-гимназии для одаренных детей (Витебский район)

этико-экологическая Конституция человечества» (Ноо-Конституция), разработанная учеными и деятелями культуры – членами Ноосферной духовно-экологической ассамблеи мира (НДЭАМ). Основная идея Ноо-Конституции – необходимость объединения земного человечества в космически значимую цивилизацию как главного условия перехода Биосферы в Ноосферу. Созданная Ноосферная духовно-экологическая ассамблея мира и должна стать основой для диалога и одновременно конкретным механизмом взаимодействия народов планеты с руководителями всех рангов, принимающими решения. В предложенном проекте Ноо-Конституции охвачены все стороны общественной жизни, начиная с экономики и заканчивая этнокультурой человечества.

Что касается материальных, то есть экономических оснований данной социальной модели, то они системно изложены в докладе «Ноосферная экономика как основа реализации положений ноосферной конституции», с которым выступил академик П.Г. Никитенко [16].

В центре внимания участников Ярославского мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» находились следующие темы: «Как строить мировую экономику в XXI веке», «Какую экономическую модель избрать взамен исчерпавшей себя и окончательно обанкротившейся либеральной экономики, предполагающей максимальную открытость национальных границ для капитала», «Как достичь равенства возможностей разных стран», «Как

достичь справедливости в мире и избежать новых способов эксплуатации наций», «Как избежать авторитарной модернизации», наконец, «Как добиться того, чтобы прирастали возможности гармоничного развития не отдельных стран или отдельной страны, а всех без исключения стран мира».

Безусловно, в основе всех социальных изменений лежит экономика. Но только экономика сама по себе не гарантирует будущее гуманное развитие мира. Потребуется задействовать и политику, и право, и духовную культуру, интеллект в целом. Интересная деталь: если в Ярославле дискуссии велись относительно экономических и правовых оснований мироустройства в XXI веке, то в Астане, напротив, внимание было сконцентрировано, в первую очередь, на выяснении его духовных оснований. В конечном счете, все это замыкается на человеке. Именно он, а не технологии, не инновации, которые тоже не существуют вне человека, станет форматировать новый социальный мир, новый миропорядок XXI века. На смену человеку индустриальной эпохи, мыслившему категориями прагматизма и личной выгоды, должен прийти другой – динамичный, думающий, мыслящий масштабными понятиями, ответственный, морально устойчивый, заботящийся не о личном капитале и способах его приумножения, не о реализации узкоэгоистических целей, а о человеческом сообществе в целом, человечестве как таковом, а главное – кристально честный человек. Такой человек уже рождается, и пример подают отнюдь не так называемые «ведущие государства». На том же мировом политическом форуме в Ярославле известный исследователь г-жа Д. Нейсбит, сравнивая Россию и Китай, отмечала, что, «когда мы говорим с китайцами, мы видим настоящий огонь, настоящую заинтересованность в будущем. Они все спрашивают: «Что могу сделать лично я? Как я могу изменить свою жизнь, как я могу реализовать свои мечты?» Когда мы принимали участие в конференции в Сколково, мы видели, что есть та же любовь к России у русских, но не хватает страсти, не хватает огня». Правда, на встречный вопрос президента России: «А Вы чувствуете этот огонь в европейских – в австрийцах, в немцах, в британцах?», Д. Нейсбит вынуждена была признаться,

что этого огня нет и в австрийцах, «австрийки – это нация жалобщиков» [17].

Неудивительно, что в докладе Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании он системно представил человека как двигателя модернизации страны и четко обрисовал те составляющие, которые в своей совокупности и будут определять облик гражданина нашего государства, уровень и качество его жизни в ближайшем будущем. Это – полноценная семья, здоровье, образование, реальные доходы, комфортность жизни. ┘

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / пер. с англ.; ПРООН. – М.: Изд-во «Весь мир», 2010. – 244 с.
2. Гидденс, Э. Социально ориентированное государство в современном европейском обществе / Э. Гидденс // Социология. – 2007. – № 3. – С. 14–23.
3. Древнекитайская философия: собр. текстов в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1973. – 384 с.
4. Аристотель: соч. в 4 т. Т. 4. / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
5. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1979. – 1371 с.
6. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – 840 с.
7. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж, 2005. – 239 с.
8. Аберкромби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер; пер. с англ. под ред. С.Е. Ерофеева. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2004. – 620 с.
9. История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – Л.: Наука, 1978. – 312 с.
10. Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.shkolprav.ru/declaracia_tolerantnosti.htm. – Дата доступа: 22.11.2010.
11. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1980. – 683 с.
12. Никитенко, П. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Никитенко. – Минск: Белорусская наука, 2006. – 479 с.
13. Сакайя, Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Т. Сакайя; под ред. В. Инземцева. – М.: Akademia, 1999. – С. 337–371.
14. Немова, Л. Канада: политика государства в сфере образования / Л. Немова // США – Канада. Экономика – политика – культура. – 2006. – № 9. – С. 82–103.
15. Лютов, А. Рабочая сила и система образования в США. Проблема иммигрантов / А. Лютов // США – Канада. Экономика – политика – культура. – 2008. – № 2. – С. 84–95.
16. Итоговый день Всемирного Форума Духовной Культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.muslimwomen.com/kz/node/352/>. – Дата доступа: 22.11.2010.
17. Встреча Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева с ведущими российскими и зарубежными политологами на Мировом политическом форуме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gpf-yaroslavl.ru/presscenter/publications/medvedev-and-political-analysts>. – Дата доступа: 25.12.2010.